

ЯЗЫК ПИСЕМ ИННОКЕНТИЯ ВЕНИАМИНОВА

Аннотация. Автор статьи рассматривает письма митрополита Иннокентия (Вениаминова), которые позволяют проследить историю жизни и служения святителя.

Ключевые слова: язык писем, церковнославянские слова, лингвистическая значимость переписки митрополита, историческая значимость, разнообразие стилей, грамотность изложения.

Эпистолярный жанр был довольно-таки популярным в XIX веке. Люди не просто переписывались между собой, сообщая новости. В письмах можно было проследить целую историю жизни. Собеседники человека, манера общения с ними и даже часто-та переписки раскрывали невидимые глазу связующие нити.

Высшему духовенству тоже приходилось много писать. Писать по долгу службы и по велению своего сердца. И язык этих писем особенный: в них нет ни суетности, ни подострастия, нет никакой выгоды. Это письма, адресованные с любовью и почтением к тем, кому они были предназначены.

В переписке митрополита Московского и Коломенского Иннокентия можно найти любимых собеседников — людей, к которым слова и мысли владыки были направлены чаще, чем к другим. Конечно же, по большей части переписка имела отношение к деятельности митрополита, но стиль общения, язык писем говорили о глубокой духовной связи. Большинство писем, собранных в трёхтомник Иваном Барсуковым, посвящено деятельности митрополита на Дальнем Востоке. Это и переписка с государем, и с обер-прокурором Святейшего Синода, и другими членами комиссии, и переписка по поводу переводов церковной литературы и написания грамматики. По письмам можно проследить, как осваивались берега Амура и всё Приамурье в целом, как проходило обустройство церкви, расселение людей и многое другое.

Язык писем митрополита может показаться сложным для восприятия. Это связано с манерой обращения к людям, которые занимали различное общественное и государственное положение.

«Отъ природы и отъ воспитанія моего я, будучи весьма далекъ всякаго суевѣрія, а паче — вымысла ложныхъ чудесъ, и впрочемъ не желая таить отъ Вашего Высокопреосвященства, яко милостиваго архипастыря моего, ничего, даже самыхъ слабостей моихъ, — къ свѣдѣнью Вашего Преосвященства честь имѣю донести о слѣдующемъ случаѣ...» [1, с.16] — не самое короткое начало письма, говорящее и об отношении к адресату, и о характере самого пишущего.

Примечательно, что в текстах посланий преобладает общеупотребительная лексика и даже разговорные слова. Естественно, что без церковнославянских слов не обходилось ни одно письмо, но общий язык вполне доступен пониманию и современному читателю. «Климатъ и растительность здѣсь, хотя и не могутъ сравниться съ лучшими мѣстами Приамурья, но въ сравненіи съ верховьемъ и устьями Амура,

гораздо лучше, такъ напр. температура воздуха съ 10-го мая днемъ постоянно бываетъ отъ 18 до 23° въ тѣни, вода въ рѣкѣ отъ 11 до 15°. Лѣтомъ же то и другое будетъ еще болѣе. Касательно растительности можно сказать во-первыхъ, что у Манджу-ровъ въ изобилии родится ячмень, просо и всякія овощи, коими наши пользовались зимою за самую дешевую цѣну (пшеницы и ржи они не сѣютъ); а во-вторыхъ то, что при каждомъ Манджуокомъ домѣ имѣются сады, впрочемъ болѣе для тѣни, чѣмъ для плодовъ» [2, с. 110] — это даже не столько письмо, сколько целое наблюдение и заключение о климате будущей Амурской области, её сельскохозяйственных особенностях. Всѣ изложено по сути и кратко. Такие фрагменты помогают понять, что митрополиту была свойственна различная манера письма. Когда того требовало дело, он использовал научный стиль речи или официально-деловой: «Долгомъ считаю довести до свѣдѣнія Вашего Сіятельства нижеслѣдующее...» [2, с. 122], а в личных же переписках позволял себе эмоциональность и лирику: «Миръ и благословеніе отъ Господа Вамъ, возлюбленные мой о Господѣ, Бернгардъ Васильевичъ, родная моя кумушка и Васенька!» (о крестнике митрополита) [2, с. 177].

Даже при отсутствии свободного времени митрополит находил возможность отправить хотя бы несколько строчек тем, кто их ожидал. И снова в этих сложно выстроенных грамматически строках можно было увидеть эмоции адресанта: «Хотя не имѣю времени иного бесѣдовать съ Вами, но считаю долгомъ писать Вамъ, когда удастся...» [1, с. 78]; «Далеко, далеко я теперь отъ Васъ, — но сердце мое съ Вами. Нѣтъ дня, въ который бы я Васъ не поминалъ; и да прильшетъ языкъ мой къ гор-тани моей, если я не буду поминать Васъ, и Вашу супругу и чадъ Вашихъ» [1, с. 64].

Забота и неравнодушие к каждому, кому направлено послание, прослеживается постоянно. «Отъ всего сердца моего благодарю Васъ за Вашу любовь ко мнѣ. Доколѣ живъ, не забуду Васъ» [2, с. 70], — пишет митрополит Иннокентий в коротком письме к жене декабриста Якушина.

Так, в письмах к графу Николаю Александровичу Протасову можно явно увидеть не только деловое общение. Часто эти письма были написаны в качестве сопроводительных и пояснительных к документам, которые митрополит отсылал по долгу службы обер-прокурору Святейшего Синода. «Не знаю, хорошо ли я это сдѣлалъ? Но мнѣ кажется, я сдѣлалъ то, что должно сдѣлать» [1, с. 117], — пишет в своём письме от 25 апреля 1844 года митрополит, что свидетельствует о том, что он выполняет поручения не только по совести, но и исходя из тех обстоятельств, которые имеются. Кроме того, в личной переписке очень грамотно и деликатно решались и финансовые вопросы: «Таковыя распоряженія Иркутской Казенной Палаты поставляютъ и могутъ поставятъ меня въ немалое затрудненіе при опредѣленіи мною священно и церковнослужителей изъ семинаристовъ ж другихъ лицъ...» [1, с. 176].

Если позволяли обстоятельства, то послания были чаще: «Вы навѣрное удивитесь, что я такъ много пишу Вамъ. Причина самая простая: читать вечеромъ я не могу, а писать, какъ видите, еще могу, съ отдыхами, — и отъ нечего дѣлать, давай писать Вамъ» [2, с. 27]. Письма митрополита Иннокентия пестрили подробностями его поездок («Хлѣбъ на Амурѣ въ настоящее время стоитъ менѣе рубля сереб., говядина

около 32 руб. сер., а рыба лѣтомъ очень дешева» [2, с. 42]), всевозможными случаями, замечаниями и отступлениями.

Современным читателям может быть непонятна такая манера письма. Послания могут показаться излишне подробными, а их язык тяжёл для восприятия. Но нужно помнить одно — письма могли идти месяцами как в одну, так и в другую сторону. Поэтому собеседники искренне радовались каждой весточке, и долгие обращения, вступления и подробности были естественным следствием. «Сегодня я получил почту съ Амура отъ 26 сентября...» [2, с. 97] — пишет в письме от 1 января митрополит Иннокентий.

Изучая переписку митрополита Иннокентия, нельзя не признать её не столько лингвистическую значимость, сколько историческую и даже краеведческую. Доступный для понимания язык, разнообразие стилей и грамотность изложения обнаруживают перед нами, читателями и потомками, очень образованного и радеющего за своё государство и за Русскую православную церковь человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Иннокентий (Попов-Вениаминов, И. Е., митрополит). Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского / собр. Иваном Барсуковым : в 3-х кн. Кн. 1 : 1828–1855. — Санкт-Петербург : Синодальная тип., 1897. — [2], XIV, 480, V с.
2. Иннокентий (Попов-Вениаминов, И. Е., митрополит). Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского / собр. Иваном Барсуковым : в 3-х кн. Кн. 2 : 1855–1865. — Санкт-Петербург : Синодальная тип., 1898. — [2], VI, 496 с.
3. Иннокентий (Попов-Вениаминов, И. Е., митрополит). Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского / собр. Иваном Барсуковым : в 3-х кн. Кн. 3 : 1865–1878. — Санкт-Петербург : Синодальная тип., 1901. — [2], VI, 398 с.